

ПСИХОАНАЛИЗ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРИОДОВ

Рассматриваются возможности использования психоаналитической методологии в культурологических исследованиях, поскольку актуальность обновления научного инструментария культуролога диктуется необходимостью учета социально-психологического фактора культуры, особенно во внутренние конфликтные и противоречивые транзитивные периоды.

Ключевые слова: психоанализ, проекция, идентификация, вытеснение, регрессия, трансфер, амбивалентность.

Прикладной психоанализ основывается на использовании психоаналитической методологии во всем многообразии ее теорий, принципов, концепций, технических приемов применительно к социально-культурной сфере (политике, искусству и литературе, религии, педагогике, праву, рекламе, управлению и т. д.) для объяснения индивидуальных и массово-психологических феноменов. Он не подменяет собой традиционные научные дисциплины, будь то история, этнология или искусствоведение, он направлен на изучение ментальности участвующего в социальных и культурных процессах человека. Иными словами — того, что представляет в своей основе глубинный, бессознательный слой, формирующихся веками, устойчивых стереотипов индивидуального и массового поведения и сознания. На этом уровне границы между индивидуальными и групповыми мотивами, предпочтениями и комплексами, во многом определяющими специфику и итоги событий, становятся размытыми, нечеткими. В результате исследовательские инструменты, эффективные для изучения человека в терапии и конкретных психологических методиках оказываются адекватно применимыми к социальным процессам. В качестве примера попробуем рассмотреть в психоаналитической перспективе динамику переходных процессов, составляющих неотъемлемую часть жизнедеятельности любого общества.

Переходный период в данном понимании является временным, глубоко конфликтным, диалектически напряженным сочетанием исторически сложившихся структур, потерявших свою действенность в изменяющихся условиях, и новых тенденций развития. Переход предполагает одновременное существование привычных адаптивных моделей, инерционно сопротивляющихся модификации, и появление «иноструктур», разрушающих их устойчивость. Переходная эпоха, таким образом, — это разрушение и созидание одновременно, балансирование на опасной грани между выживанием и гибелью, регрессом и прогрессом, обретением нового качества и выпадением из цивилизационного процесса. В переходную эпоху общество утрачивает режим устойчивого функционирования; обостряются все латентно присущие ему внутренние конфликты, чаще всего совпадающие с неблагоприятными и опасными внешними факторами. Переход — кризис роста, как в воронку, втягивающий в себя все слои и социальные институты. С психоаналитической точки зрения обращает на себя внимание прежде всего амбивалентный характер переходных периодов, которые, будучи конфликтом смысловых полярностей, потенциально содержат разные возможности: перехода общества в новое историческое состояние на новый виток развития; его консервации в прежнем состоянии; и, наконец, упадка, деградации. Амбивалентность, по Э. Блейлеру, — инфантильная структура, двойственность внут-

ренне противоречивых черт субъекта и сопутствующих им аффектов. В состоянии амбивалентности каждая установка корректируется ее противоположностью. Сама по себе амбивалентность определенного уровня для человека естественна, и полное ее преодоление невозможно. Компромиссное уравнивание тенденций является основой стабильности. Однако в периоды кризисов усиливается энергетика полярностей, чреватая взрывом. И без учета этого парадоксального закона психики трудно дать развернутую картину массовой политической практики в транзитивные периоды.

Разрушение привычного фундамента жизни, сопровождающееся лавинообразным нарастанием кризисных явлений, создает благоприятные условия для актуализации примитивных, архаических по форме и содержанию социально-культурных моделей, которые полностью не исчезают с развитием цивилизации, а вытесняются ею на периферию жизненного пространства общества, существуют подспудно. В архаизации легко узнается подробно описанный в психоаналитических теориях механизм регрессии. Для своего выживания общество использует когда-то эффективные приспособительные шаблоны и применяет их в новой ситуации. Возникает своеобразный «трансфер», перенос старого опыта на новые отношения. При этом интенсивность активизации архаики и формы ее воплощения зависят от множества взаимосвязанных факторов — от остроты кризиса, от культуральных и социально-экономических особенностей той или иной цивилизации, от стрессоров экзогенного характера (войн, пандемий, экологических катастроф), от междоцивилизационного напряжения и влияния. Архаика блокирует наступление полного хаоса, но одновременно усиливает регресс. Она проявляется в ослаблении централизованного контроля над обществом, его дроблении, усилении клановости и сепаратизма, массовом выходе населения из «правового поля», криминализации, натурализации экономических отношений, упадке культуры. Стихийно «всплывают» архетипические содержания коллективного бессознательного. Ожившие мифы порождают описанные К.Г. Юнгом массовые психозы, мессианистские движения и ожидания, интерес к оккультизму, магии, мистико-иррациональным учениям, практикам изменения сознания. Одновременно с оживлением маргинальных слоев культуры, древних суеверий нарастает маргинализация общества, опрощается повседневная жизнь, девальвируется система ценностей.

Масштабность построения нового, модернизация в сочетании с архаикой порождают тоталитарные утопии. Стремление к выживанию социума, особенно в условиях отсутствия развитого гражданского общества и адекватной ему политико-правовой культуры, приводит к повсеместному восстановлению тех горизонтальных связей, которые восходят к базовым кровнородственным с сильной биологической составляющей: землячества, секты, банды, мафиозные кланы, тайные общества. Эти «социальные корпорации», как семья ребенка, поддерживают человека, дают возможность противостоять разлагающейся власти и произволу. В то же время быстро создающиеся секты, используя различные техники воздействия на психику привлеченных людей, «психологического зомбирования», и часто смыкаясь с криминалитетом, усугубляют ситуацию. Создавая видимость устойчивости существования поддерживающего окружения, на деле руководители сект, различные псевдохаризматичные «гуру» усиливают у своих адептов инфантильные зависимости, мешают адаптироваться

к меняющемуся миру, принять неизбежность новой реальности. И если в стабильной социальной среде неопитами сект становятся выходцы из маргинальных слоев, контркультурного андеграунда, психически неуравновешенные личности, невротики, то в транзитивные периоды диссоциация социокультурных связей, протестные настроения толкают на поиски «новой веры» множество ранее вполне уравновешенных, нравственно здоровых, но потерявших привычные ориентиры людей. История знает немало примеров, когда кризис общества порождал массовые эсхатологические ожидания, мессианизм, религиозную истерию, повальное увлечение эзотерикой, что нередко впоследствии выливалось в политический радикализм и терроризм.

Смысл ритуалов, практикуемых в «новых религиозных движениях», как правило, не осознается, и они демонстрируют все признаки навязчивого обсессивно-компульсивного поведения. Групповые моления и собеседования нацелены на принудительную идентификацию обращенных, затрудняющую уход из общины. Культивирование измененных состояний сознания, озарений и трансов без должной культурной оболочки дестабилизирует психику, включает амбивалентность психологических защит.

Транзитивные периоды не только создают условия для воссоздания архаики, но и снижают иммунитет социума к чужеродным воздействиям. В отличие от традиционных конфессий, «вписанных» в культуру, эти заимствования, в норме отторгающиеся, дополнительно усиливают дезинтеграцию. Синкретические культы, смешивая модифицированное христианство, шаманизм, ориенталистские верования, создают опасных, особенно для восприимчивой молодежи, ментальных гибридов. Рациональность эры науки парадоксально стимулирует интерес к иррациональному знанию: уфологии, криптозоологии, сайентологии, парансихологии, которые также используются для бегства от реальности. И это не считая откровенно патологического пристрастия к наркотикам и психоделикам, эксплуатации членов маргинальных сообществ, межэтнических столкновений, ритуального насилия. С другой стороны, транзитивность дает возможность прорасти новым идеям, активизирует энергию поиска, способствует высвобождению пассионарного потенциала культуры. Сама власть переживает искушение апеллировать к примитивным защитным социальным импульсам проективного и идентификационного характера. Происходит поиск «виновных», рационализация ошибок, основными чертами политической практики становятся популизм и демагогия. Даже спорадические, единичные инвазии архаики являются индикаторами тех или иных процессов в жизни общества, указывают на наличие тех или иных «слабых звеньев», на необходимость перемен. При готовности власти своевременно диагностировать эти симптомы, упреждающим образом начать реформы, осуществить назревшую модернизацию архаика касается лишь локальных структур (отдельных регионов, типов хозяйства, субкультур и социальных страт). При неготовности — деформирует все общество, ведет к терроризму, гражданским войнам и революциям.

В свою очередь, нагнетание социального стресса и рост девиантности, криминогенности массового поведения, связанные с разрушением интериоризованного аппарата самоконтроля и самопринуждения, формирование которого, согласно психоаналитической концепции, является важнейшим приобретением цивилизации, ведут к попыткам усиления внешнего табуирования, государствен-

ного контроля. «Бегство от неупорядоченной свободы» на уровне психологических ожиданий масс готовит почву для авторитаризма. Стремление к защищенности и стабильности оборачивается диктатурой. Раскультирование, откат к низшей границе, находящейся на стыке природного и социального, вытеснение демократических норм саморегуляции и замещение их более примитивными авторитарными в переходные периоды — удел обществ с расколотой идентичностью. Чем общество сложнее, чем сильнее в нем развиты механизмы диалога между различными социальными силами, группами и партиями, властью и народом, тем выше его способность к саморегуляции и адаптации, тем труднее его разрушить до основания. Архетипы коллективного бессознательного, будучи правильно понятыми и использованными, имеют не только разрушительную, но и творческую силу. Страхи, фантазии, настроения, проективные идентификации масс, выраженные языком культуры, сигнализируют о состоянии общества и могут быть «расшифрованы» и интерпретированы средствами психоанализа. Важным оказывается умение «читать» культуру, вычленив ее логику. Обращение к ментальности позволяет «ухватить» базовые, архетипические основания мышления, а значит, и действия исторических субъектов. И, с другой стороны, недостаточная способность субъектов (в массовом масштабе) своевременно решить проблему обеспечения собственного развития, соразмерного уровню усложнения, необходимого воспроизводства жизнеспособности, снижает инновационный потенциал общества.